

—

«Материал уже упакован, нужно положить его для вас в повозку?»

Когда Хо Шу и Цзи Таоюй вышли, работник уже аккуратно упаковал ткани и с улыбкой ждал у дверей.

Хо Шу принял три свертка материала и передал их Таоюй: «Отнеси это домой».

Таоюй услышал это и опешил, а когда пришел в себя, поспешно отказался: «Нет-нет, если я отнесу это домой, мама точно устроит мне выволочку».

Таоюй увидел, что Хо Шу не собирается убирать руку и выглядит недовольным. Он понял, что, возможно, отказался слишком прямо и переборщил, поэтому снова вежливо сказал:

«Эм, ты все же сам отнеси это домой. Хотя этот материал не очень подходит для мужской одежды, его можно оставить для предложения руки и сердца в будущем, это будет очень достойно».

Брови Хо Шу нахмурились. Он хотел сказать, что если не хочешь, то выброси, но, услышав слова Таоюя, он помолчал и сказал: «Что ж, тогда оставлю это пока у себя».

Таоюй кивнул, с радостью сложил руки и сказал: «Тогда я пойду в лечебницу дедушки».

«Подожди, я приведу лошадь».

Таоюй поспешно сказал: «Тебе не нужно провожать меня, отсюда недалеко, я сам дойду».

Хо Шу не ответил ему, а сам пошел за работником к конюшне.

«Эй!»

Таоюй хотел сказать, что действительно нет нужды, но, к сожалению, тот человек двигался как ветер и исчез в мгновение ока.

Он не мог не подумать, уж не думает ли он, что без присмотра он снова упадет в реку?

Таоюй вздохнул и приготовился сначала пойти к дверям, как вдруг с лестницы позади раздался

знакомый ясный голос.

«Госпожа Сюэ, осторожнее на лестнице».

Таоюй подсознательно обернулся и сразу увидел Юй Линсяо.

«Подол моего платья слишком длинный, при спуске легко зацепиться, спасибо беспокойство, брат Линсяо».

С лестницы один за другим спускались мужчина и женщина. Женщина была в роскошном платье, подол которого при ходьбе расстилался по ступеням.

Юй Линсяо посмотрел на подол, лежащий на ступенях, немного поколебался, а затем, увидев прямой взгляд женщины, он тут же скрыл свое колебание, мягко улыбнулся, склонился и осторожно поднял подол:

«Платье переливается и сияет, даже если оно немного длинновато и неудобно при спуске, это можно понять».

Глаза женщины слегка прикрылись, очевидно, она была очень довольна поведением Юй Линсяо, затем с улыбкой посмотрела в другую сторону, и ее голос стал намного мягче:

«Если брату Линсяо нравится это платье, значит, его сложность не напрасна. Я боялась, что, заставив брата Линсяо сопровождать меня по магазинам, я помешаю ему учиться, и он рассердится на меня».

«Как же так? Вчера в деревне устроили скромный банкет, и господин Тунчжи, несмотря на занятость по службе, все же вспомнил о моих мелких делах и специально послал человека. Я очень благодарен. Сегодня я пришел поблагодарить, и господин позволил мне сопровождать госпожу Сюэ на прогулку. Для меня это большая честь, о каком гневе может идти речь?»

Когда они спустились с лестницы, сердце Таоюя бешено заколотилось, и он поспешно спрятался за полкой с шелком.

Из щели он увидел Юй Линсяо, поддерживающего подол платья женщины, которому приходилось слегка наклоняться, чтобы спускаться по ступеням шаг за шагом. Это было проявлением полнейшего смирения, но при этом он был очень терпелив.

Где же была его надменность, когда он свободно говорил у них дома, привередничая в выборе тех, с кем хотел бы общаться?

Он не мог не задержать дыхание и вдруг не поверил своим глазам.

«Хорошо, если брат Линсяо не сердится. Вчера папа посмотрел сочинение брата Линсяо и сказал мне, что среди всех учеников только у брата Линсяо самый выдающийся талант. Если у него не будет посторонних мыслей, он, возможно, сможет добиться хороших результатов на весенних экзаменах».

На лице Юй Линсяо была улыбка, но он все же сказал: «Похвала господина Тунчжи для меня большая честь, недостойная меня».

«Не только папа хвалит, я и сама видела талант брата Линсяо в литературе».

Лицо Сюэ Ханьсюэ слегка покраснело: «Стихи, которые брат Линсяо подарил мне, я перечитывала снова и снова посреди ночи».

Услышав это, Юй Линсяо выглядел счастливым, но сдержанным: «Если госпоже Сюэ нравится, я могу написать еще».

Но Сюэ Ханьсюэ не обрадовалась, а сказала: «Раньше в резиденции брат Линсяо звал меня сестрой, а теперь на улице официально называет госпожой Сюэ».

Не дожидаясь ответа Юй Линсяо, она добавила: «Я слышала, что брат Линсяо обручился с кем-то из деревни, похоже, это правда».

Цзи Таоюй слушал их разговор, и, услышав это, он невольно посмотрел прямо на Юй Линсяо. В этот момент он хотел получить ответ даже больше, чем девушка рядом с ним.

Юй Линсяо услышал это, остановился и медленно и осторожно опустил подол платья. Он сказал: «Я не буду скрывать от госпожи Сюэ, действительно есть дело, касающееся помолвки».

Спрятавшийся в темноте Таоюй услышал это и нахмурился, но, услышав, что Юй Линсяо признал факт помолвки, он почувствовал некоторую долю искренности.

Он тихонько выдохнул, но прежде чем он успел успокоиться, он услышал, как Юй Линсяо продолжил:

«Я не хотел вспоминать прошлое. Теперь, когда тучи рассеялись и видна луна, зачем мучиться прошлым? Но раз уж госпожа Сюэ спросила, я не могу ничего скрывать».

«Когда я был молод, мой отец умер от болезни, мои дяди и тети относились ко мне пренебрежительно, и только мать растила меня и оплачивала мое образование, что было очень нелегко. Сельский староста был человеком, который заботился о жителях деревни. Увидев горе нашей семьи и заметив у меня некоторый талант к учебе, он оказывал мне поддержку. Староста не только помогал материально, но и находил для меня учителей. Эту доброту я никогда не забуду».

«Семья старосты для меня как вторые родители. Я всегда хотел отплатить семье старосты, поэтому ходил к ним чаще. Со временем слухи поползли. Сельские жители грубы и невежественны, целый день потешаются над чужими тайнами и постоянно твердят о моей помолвке с ребёнком старосты. Я правда не знаю, как это опровергнуть. Эти деревенские сплетни, откуда они вообще дошли до ушей госпожи Сюэ?»

Юй Линсяо говорил искренне, и его красивое лицо, рассказывающее о трудных прошлых событиях, вызывало еще большее сочувствие и жалость.

Глаза Сюэ Ханьсюэ блеснули, она выглядела тронутой и сочувствующей: «Брат Линсяо знает, как отплатить за доброту, тебе тяжело было так усердно трудиться на протяжении стольких лет. Но теперь, можно сказать, что упорный труд окупился. Надеюсь, брат Линсяо не будет расстраиваться из-за этих пустяков».

Она тихо сказала: «Мы с папой ждем возвращения брата Линсяо после весенних экзаменов».

Юй Линсяо поспешно кивнул: «Большое спасибо учителю и сестре Ханьсюэ за вашу любовь».

Сюэ Ханьсюэ приподняла уголки губ: «Отец и я именно такие, как сказал брат Линсяо, иначе я бы не попросила брата Линсяо пойти со мной на прогулку сегодня. Поскольку все эти вещи в деревне — ложные сплетни, это избавляет от многих хлопот. Но даже если это правда, я верю, что брат Линсяо знает, что хорошо».

Юй Линсяо слегка вздрогнул, а затем сказал: «Конечно».

Услышав это, Таоюй больше не мог терпеть.

Как же так, он еще помнил заботу его семьи все эти годы, но самое главное он избегал упоминать. Помолвка, о которой договорились две семьи, теперь оказалась всего лишь деревенскими сплетнями.

Его грудь сильно вздымалась, он сделал шаг вперед, желая бросить ему в лицо обручальные подарки двух семей и прямо спросить Юй Линсяо, была ли у их двух семей помолвка или нет.

Но как только он сделал шаг вперед, его кто-то потянул назад.

«Зачем ты меня держишь!»

Таоюй поднял голову и сердито посмотрел на человека.

Хо Шу опустил брови: «Успокойся».

«Он обманывает обе стороны, я должен просто оставить это так?»

Хо Шу смотрел на встревоженного и расстроенного человека с покрасневшими уголками глаз, его брови тоже нахмурились.

Он слегка понизил тон: «Это человек из резиденции Тунчжи префектуры. Знаешь ли ты, что за человек Сюэ и под чьим управлением находится деревенский староста в префектуре?»

Таоюй услышал это, опешил, и в тот же момент его шаги, которые он упрямо хотел направить вперед, остановились сами собой.

«Чиновничья семья не может терпеть зятя с таким характером...»

«Перед лицом интересов характер — ничто».

Хо Шу холодно сказал: «В суде есть честные чиновники, которые различают правильное и неправильное, но также немало коварных и жаждущих выгоды чиновников».

В военном лагере он уже давно привык видеть двуличных людей, готовых пойти на все ради продвижения по службе.

Услышав слова Хо Шу, Таоюй на мгновение перестал действовать необдуманно.

Сельские старосты в деревнях под городом Тунчжоу находятся под прямым управлением Тунчжи. Обычно старосты встречаются с Тунчжи по делам, связывающим префектуру и деревни.

[*Тунчжи - должность заместителя префекта; Чжифу - должность префекта]

Хотя должность Тунчжи не такая высокая, как у Чжифу*, для простых людей тот, кто ими управляет, и есть небесный господин.

Если бы этот Сюэ Тунчжи был порядочным и честным человеком, он бы, узнав о двуличии Юй Линсяо, возможно, отдалился от него.

Но если бы он был предан продвижению Юй Линсяо, и Таоюй сегодня вышел бы вперед, чтобы разоблачить Юй Линсяо, поставить госпожу Сюэ в неловкое положение и запятнать лицо семьи Сюэ, то семья Сюэ затаила бы обиду, и им было бы очень легко расправиться с их семьей.

Подумав об этом, ему стало еще тяжелее на душе. Он не только злился на Юй Линсяо за его

двуличие, но и только сейчас узнал о делах У Ляньхэ и Чжао Чансуя. Сравнивая их, он испытывал глубокую скорбь.

Однако при сложившихся обстоятельствах он даже не мог выйти вперед и противостоять ему, и мог только беспомощно наблюдать за ним.

Таоюй сжал пальцы, плоские ногти сильно впивались в кожу. Он всегда боялся боли, но в этот момент физическая боль не составляла и половины боли в его сердце.

Хо Шу смотрел на человека рядом, чьи глаза покраснели, словно вот-вот прольются соленые слезы, и его взгляд становился все холоднее.

«Давай прогуляемся и по холлу, здесь такой яркий шелк».

Сюэ Ханьсюэ сказала с хорошим настроением.

«Хорошо, сестра Ханьсюэ, развлекайся».

Юй Линсяо и госпожа Сюэ оживленно разговаривали, с улыбкой на лице приближаясь к ним.

Таоюй, увидев это, поспешно отпрянул назад. Хо Шу, увидев это, поднял иглу с нитью с ближайшей полки и незаметно щелчком пальцев отправил ее вперед.

«Осторожно, сестра Ханьсюэ, здесь тоже две ступеньки».

Юй Линсяо склонился вперед, желая снова поднять подол платья девушки.

Однако, только что наклонившись, он вдруг неловко вскрикнул.

«Ой!»

Юй Линсяо почувствовал резкую боль в задней части бедра, ноги подкосились, и он прямо упал на подол платья Сюэ Ханьсюэ.

В одно мгновение Сюэ Ханьсюэ потеряла равновесие, и они чуть не упали вместе.

На глазах у всех, упав на колени у входа, люди, входившие и выходившие, невольно посмотрели на них двоих.

Сюэ Ханьсюэ увидела, что все, кто рассматривал ткани вокруг, смотрят на них, а Юй Линсяо

все еще лежал на полу, неловко пытаясь подняться.

Она почувствовала себя очень пристыженной, никогда не видела Юй Линсяо, такого благородного и изящного, в таком неловком положении, и поспешно поторопила его: «Вставай скорее».

Конечно, Юй Линсяо хотел поскорее встать, но задняя часть ноги онемела и не слушалась, чем больше он нервничал, пытаясь подняться, тем хуже становилось.

Служанка Сюэ Ханьсюэ, увидев это, поспешно пошла помочь Юй Линсяо. Несколько человек у дверей повозились, как будто показывали фокусы, прежде чем поспешно уйти.

Хо Шу обернулся, а стоявший рядом с ним за прилавком гер уже заливался слезами, которые текли рекой.

Избегая чужих взглядов, он все время закрывал глаза тыльной стороной ладони, но чем больше он вытирал слезы, тем больше их становилось, пока они не скатились до подбородка.

Таоюй тоже немного растерялся, он начинал плакать и не мог остановиться, даже когда приступ плача проходил, слезы все равно текли. Он даже мог задыхаться. Это заставляло людей думать, что он необычайно плаксив и безутешен.

Он понял, что вышел из себя, и пожалел, что так разозлился, что не смог себя контролировать.

В тот момент, когда он боялся, что после зрелища с Юй Линсяо люди увидят его самого в таком жалком виде и он не будет знать, что делать, знакомая простая накидка легла ему на плечо.

Он шмыгнул носом и повернул голову, глядя на Хо Шу.

Хо Шу посмотрел на заплаканного гера, похожего на цветок лотоса, побитый дождем, чьи ресницы слиплись от слез, словно он умылся мокрым полотенцем.

Он нахмурился, поднял руку, чтобы обнять его за плечо, но, прежде чем коснуться его, все же отдернул руку.

Хо Шу тихо вздохнул: «Пойдем, сначала вернемся».

—